

Байли Сюнь подумал о том, что Школа Цанъянь, скорее всего, и есть те самые враги, что уничтожили его клан. Тот, кто под контролем Чусиня обнажил клинок и преградил ему путь, — человек, чьи руки так же онемели от отдачи, — невольно замер, глядя на Байли Сюня. В его глазах читалось полное непонимание, и он произнес:

— Господин Байли... Почему вы мешаете мне? Неужели вы не помните, как был истреблен ваш Поместье Иньюэ?

— Истреблен к черту собачьему, — Байли Сюнь долго сдерживался, раздумывая, стоит ли сохранять подобающее праведным школам благородство, но внезапно почувствовал, что эти люди совершенно не достойны его манер. — В чем принципиальная разница между уничтожением моего поместья и тем, как вы уничтожили Минчэн?

— Как вы можете ставить нас в один ряд с Демоническим культом? Они — демоны, убивающие людей не моргнув глазом, а мы — праведные люди, искореняющие зло ради народа! Неужели господин Байли готов так легко перевернуть истину, просто шевеля языком? Смехотворно, просто смехотворно!

Байли Сюнь все еще держал этого ребенка за руку. Когда они только побежали, он заметил на груди мальчика родимое пятно и вспомнил, что это тот самый ребенок, которому он помогал когда-то за пределами Минчэна. Ребенок, который так осторожно проползал сквозь собачью нору, лишь бы не испачкать одежду; ребенок, который в растерянности замирал, не смея заплакать, если случайно ронял мешочек с лекарствами; ребенок, который после помощи искренне и от всего сердца благодарил его. Если его родители не были такими, мог ли вырасти из них подобный ребенок?

— Откуда вам знать, что они принадлежат к Демоническому культу? И с чего вы взяли, что они убивали людей? У вас есть доказательства? На каком основании вы убиваете невинных? Если вам нечего ответить, то как вы смеете называть себя праведными людьми? Неужели у вашей справедливости нет никаких границ?

Будь его слова правдивы или нет, никто не стал бы их слушать. Напротив, толпа начала громко переговариваться:

— А мы-то думали, что на Байли Сюня из Поместья Иньюэ наклепали клеветы, а оказалось, он и впрямь в сговоре с тем Повелителем демонов. Говорят, он еще и евнух, просто противно смотреть. А Наставник Сюаньшуан... как же несправедливо он погиб. Убит собственным учеником, которого сам же и вырастил. Тц-тц, какая жалость.

Байли Сюнь почти мгновенно оказался перед тем человеком, и Чусинь замер у его горла.

— Повтори еще раз.

Тот мужчина тоже почувствовал исходящее от него давление. В Школе Цанъянь он был одним из самых способных помощников Чжао Вэни, можно сказать, он чувствовал себя там почти полноправным хозяином. Он никогда не упускал возможности съязвить, хотя его боевые навыки были примерно на уровне Чжао Вэни — то есть, весьма посредственными.

Теперь же стоило Байли Сюню лишь слегка шевельнуть Чусинем в руке, и он мог легко лишиться жизни. Каким бы красноречивым он ни был прежде, сейчас он не мог выдавить из себя ни единого провокационного слова. Капли пота скатывались по его лбу, он слегка отпрянул назад, не смея повторить сказанное.

Возможно, в самом мече Чусине таилась жажда крови, ведь хотя Байли Сюнь больше не был под его контролем, когда клинок приблизился к человеку на земле, он возбужденно замерцал слабым красным светом.

В следующую секунду это место вполне могло превратиться в настоящий ад.

Словно почувствовав эту пугающую мысль, Байли Сюнь все же убрал Чусинь. Однако одного его взгляда было достаточно, чтобы присутствующие не смели даже пошевелиться, боясь, что любое неосторожное движение разгневет его и приведет к смерти.

Тем не менее, нашелся кто-то, кто попытался объяснить перед Байли Сюнем.

Раньше Байли Сюнь полагал, что Демонический культ подобен тем, о ком писали в книгах — людям, которые добровольно выбирают этот путь, подобно поражению Восточного Икс.

Но местный Демонический культ был иным. Еще сто лет назад у них не было четкого разделения, они различались лишь методами культивации и не причиняли вреда людям. Однако позже произошли перемены, и никто уже не мог точно сказать, что именно стало причиной того великого хаоса.

Кто-то говорил, что это была история о любви, переросшей в ненависть и убийство, что в итоге разделила праведные и демонические пути. Другие утверждали, что это пробуждение Внутреннего демона в культе привело к кровавой резне, разделившей их на две стороны.

Однако ни одна из версий не была подтверждена, поэтому до начала этого Собрания ульнь между праведными и демонами не было масштабных столкновений.

Минчэн же был местом сосредоточения последователей культа. В отличие от Горы Хуньдунь, где обитал Повелитель демонов, здесь жили обычные люди Демонического культа — те, кто не желал участвовать в расправах.

Конечно, это было так до того, как город захватил Сяо Ни.

Но здесь все еще жила группа последователей культа, не знавших о происходящем. Основные силы Сяо Ни давно перебрались на Гору Хуньдунь; здесь же остались лишь простые люди, которые не могли отречься от своего происхождения.

Ведь с самого рождения на их телах красовалось Клеймо, похожее на родимое пятно. Вероятно, это было связано с методами культивации их предков, и это Клеймо передавалось из поколения в поколение. Даже если человек не вставал на путь боевых искусств, Клеймо невозможно было стереть.

Именно из-за этого Клейма те, кто хотел обучаться в «Праведных школах», сталкивались с отказами — ни один клан не принимал их.

А те, кто изначально не планировал заниматься боевыми искусствами, могли бы жить спокойно, если бы скрывали свое происхождение, но малейшая оплошность — и их начинали вытеснять. Поэтому большинство «потомков Демонического культа» были вынуждены оставаться здесь.

Но ведь все они были невинными людьми. Разве справедливо, что из-за маленького Клейма человеку приходится ломать всю жизнь, а теперь его и вовсе пытаются истребить? Чем те, кто прогоняет их, отличаются от нынешних представителей Демонического культа?

Они судили людей через призму предрассудков, разделяя их на ранги, хотя эти люди с Клеймами были лишь обычными, незащитными душами.

Байли Сюнь попросил мальчика проводить его к семье. Мальчик, хотя его глаза и были полны слез, старался держаться храбро, не давая им скатиться по щекам, но по тому, как крепко он сжимал руку Байли Сюня, чувствовалось, как сильно он напуган.

Люди в едином порыве расступались перед Байли Сюнем. Как бы неохотно они ни делали это, их тела действовали честно — они старались держаться подальше. Зная, что у практикующих боевые искусства острый слух, они даже не смели шептаться. Су Юй вместе с Чжун Яньсю пристально наблюдали за толпой, не давая им продолжать свои бесчинства.

Место, где жил ребенок, не было заметным; пришлось пройти через несколько переулков, прежде чем они добрались до цели. Но судя по тому, как уверенно мальчик ориентировался на местности, он ходил сюда часто.

— Ты часто тайком убегаешь? — не удержался от вопроса Байли Сюнь.

Мальчик покачал головой. Теперь, когда они были одни, он перестал опасаться.

— У папы плохо со здоровьем, и мне нужно бегать за лекарствами. Но в этом городе их нет, поэтому мне приходится ходить в соседний городок. Я знаю вас, старший брат. В прошлый раз вы одолжили мне денег. Я рассказал папе, и он велел обязательно вернуть их вам. Только я не знал, где находится Поместье Иньюэ, и не думал, что снова встречу вас. Вот, возьмите, брат.

Он осторожно вытащил из складок одежды платок. Вид у него был поношенный, но платок был очень чистым. Внутри лежало несколько серебряных монет — ровно столько же, сколько Байли Сюнь дал ему в прошлый раз.

Увидев, что Байли Сюнь взял деньги, мальчик улыбнулся:

— Папа говорит, что нужно всегда возвращать долги.

Байли Сюнь погладил его по голове. У него не было опыта жизни среди детей, но, глядя на то, как этот малыш старается ради своего отца, он невольно вспомнил самого себя. Только у этого ребенка была любовь отца в ответ, а у него — нет.

Он хотел помочь этому ребенку, сохранить это крошечное, хрупкое счастье.

В детстве он тоже грезил о подобном: что он выйдет на улицу, а дома его будут ждать родители — приготовят еду или просто встретят, и даже если это будет суровый выговор, это не имело значения.

Главное — чтобы его кто-то ждал.

Родители мальчика были за одной дверью. Стоило лишь толкнуть ее, и, пока Байли Сюнь рядом, мальчик больше не будет жить в вечных скитаниях. Болезнь отца можно вылечить, и ему не придется тайно проползать сквозь собачьи норы ради лекарств. Он сможет наслаждаться тем, что родители рядом.

Байли Сюнь хотел, чтобы этот ребенок не лишился той любви, которой был лишен сам.

Но стоило им переступить порог, как остатки счастья разлетелись в прах.

Во дворе, в луже крови, лежала женщина. Кровь уже перестала течь. Увидев это, ребенок тут же бросился к ней:

— Мама!

Но, к сожалению, она больше не могла ответить своему сыну.

Байли Сюнь не знал, как утешить ребенка. Он поднялся и вошел в дом. Там, на кровати, тоже неподвижно лежал человек. Если бы не приметное Клеймо Демонического культа на груди, было бы трудно связать такого человека с культом.

Нет... В их понимании это даже не должно было называться Демоническим культом. Это было лишь ярлыком, навязанным им так называемыми «праведными школами». Неужели из-за врожденного пятна они действительно заслуживают смерти?

<http://bllate.org/book/17723/1656683>